

Трактористка.

Июнь 1941 года запомнился Тасе Владимировой не грохотом бомбежек — они пришли позже, — а запахом свежего дёрна и солярки. Только неделю назад они с подружками — Зойкой, Марусей и хохотушкой Нинкой — получили корочки трактористок. Торжественное собрание в МТС, гармонь и пироги с брусникой.

Оккупация навалилась тишиной. Вместо приказов по радио — немецкие вывески на здании школы. Вместо вечерних гуляний — комендантский час. Таисия ютилась в своей избе на окраине, прижимая к груди выцветшую рубаху отца, пропавшего в первые дни войны.

Их нашли через месяц. Здоровенный унтер в очках с толстыми стеклами, похожий на сытого филина, пальцем ткнул в их фотографии, висевшие в конторе МТС: «Трактористки? Гут. Вам работа».

Их привезли на поле за разрушенный мост. Здесь когда-то паслось их колхозное стадо, а теперь земля была изрыта воронками. И повсюду, чуть присыпанные песочком и травой, лежали «сюрпризы» — мины. Когда отступала Красная Армия, чтобы задержать наступление немцев, были заминированы колхозные поля.

— Ваша задача, — переводил полицаи, бывший счетовод МТС, нервно теребя карман, — вспахать полосу. Трактор вон там. Мотор работает. Тяжелый прицеп.

Трактор был старый, «Фордзон - Путиловец», с облупленным радиатором. Но Таисия узнала в нем своего железного коня. В народе его ласково звали «Фёдор Петрович» (В 1920-х годах советское правительство закупило тысячи «Фордзонов» за

границей, а уже в 1924 году на Ленинградском заводе «Красный Путиловец» начался выпуск лицензионной копии — «Фордзон-Путиловец») —

Зойка всхлипнула. Нинка, самая бойкая, спросила:

— А если рванет?

Полицай отвел глаза.

Им выдали грубые накидки и велели ехать по одному. Первой послали Зойку. Таисия видела, как Зойка дрожащими руками взялась за рычаги, как перекрестилась на восток. Трактор чихнул, дернулся и пополз по пашне, оставляя за собой неглубокий след. Девушки замерли. Семь метров. Десять. Двадцать.

Удар пришелся на тридцать первом метре. Небо расколосось на черные ошметки. Таисию бросило на землю, засыпало комьями мерзлой глины. Когда она подняла голову, трактора уже не было — только воронка и чудовищно сплюснутый капот, торчащий вверх ребрами. От Зойки не осталось почти ничего. Только один её синий платок, разорванный, зацепился за куст полыни.

Остальных заставили смотреть. Это было частью наказания — чтобы боялись, чтобы рвали жилы.

Но их заставили работать дальше. Марусю убили на следующий день. Она слишком медленно вела трактор, и немецкий ефрейтор, надзиравший за ними, заорал, выстрелил в воздух. Маруся дернулась, трактор вильнул, и гусеница наехала на мину. Марусю разорвало на части, но трактор проехал по инерции еще пять метров, пока не встал, развороченный.

Нинка сходила с ума. Не сразу, а после третьей недели. Она перестала есть, перестала спать, только бормотала про то, как они в училище разбирали трактор и у них упала гайка в масло. Нинку отправили на то же поле, но уже без трактора — пешком, в качестве живой куклы для проверки дороги. Она прошла пятнадцать шагов. Шестнадцатый был последним.

Таисия выжила. Не потому, что была умнее или быстрее. Она просто перестала чувствовать страх. Там, внутри, что-то умерло — наверное, та

веселая девчонка, которая два года назад, в начале июня на спор завела трактор с пол-оборота. Теперь она работала как автомат: ровная скорость, никаких рывков, гусеница строго по прямой. Она научилась читать землю — едва заметную присыпку свежего грунта, чуть отличающийся оттенок травы. Однажды она сама сняла с пути мину, вылезла из кабины под дулом автомата и откатила её ногой в канаву. Немцы потом хлопали в ладоши. Они решили, что она — дура, которой повезло. Они не понимали, что для неё каждая минута за рычагами была пыткой, но и единственным способом доказать им, что они не сломали её.

Девушек меняли — одни подрывались, на их место пригоняли новых, из других деревень. Таисия держалась. Она вела дневник в голове: сколько дней осталось, сколько метров вспахано, сколько жизней ушло на эту проклятую землю.

Освободили деревню в феврале 1944-го. Наши танки вошли с фланга, немцы побежали, побросав технику, боеприпасы и сжигая на своём пути целые деревни.

Таисию нашли в сарае при МТС — худую, седую в двадцать два года, с руками, стертыми в кровь о металлические рычаги.

— Ты кто? — спросил её молодой лейтенант в заиндевевшей ушанке.

Она посмотрела на него, на освобожденное небо, и сказала тихо:

— Трактористка.

Она никогда не рассказывала о том, что видела. Но после войны, когда пришло время сажать сады и залечивать раны на земле, Таисия Антоновна Владимирова первой выходила в поле. И пахала — ровно, аккуратно, без страха. Потому что хуже, чем тогда, уже не будет. А жизнь всё равно побеждает.